

Второй Российский экономический конгресс

П.А. Минакир

Минакир Павел Александрович – академик РАН, профессор, директор Института экономических исследований ДВО РАН, ул. Тихоокеанская, 153, Хабаровск, Россия, 680042. E-mail: minakir@ecrin.ru.

8–22 февраля 2013 г. в г. Суздале прошел Второй Российский экономический конгресс, собравший большое количество ученых-экономистов, главным образом из России, но также и из зарубежных стран (Украина, Беларусь, США, Германия, Казахстан, Чехия, Польша и др.). Как и на Первом конгрессе, который состоялся в декабре 2009 г. в Москве, главным результатом, которого хотели достичь организаторы, являлось объединение различных исследовательских стратегий, научных школ и конкурирующих организационных форм, разнообразие которых к началу второго десятилетия XXI в. достигло апогея.

Еще в 2008 г. казалось невозможным собрать на единой дискуссионной площадке представителей остро конкурирующих друг с другом форм организации экономической науки. Главными «оппонентами» к тому времени являлись экономическая секция РАН, международная секция РАН, ассоциация независимых экспертных групп (СИГМА), Высшая школа экономики, отдельные крупные вузы экономического профиля (Финансовый университет, Академия народного хозяйства, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, РЭШ, экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова) и аморфное множество экономических вузов и факультетов, объединяемых общим названием «экономическая вузовская периферия». Впрочем, это деление было и остается очень условным, так как ни один из названных «игроков» не представлял собой какого-либо предметного или методологического единства, какой-либо общей теоретической или методологической платформы, как правило, вообще не существовало.

Тем не менее в 2009 г. представители всего этого разношерстного научно-экономического воинства нашли в себе силы согласиться на попытку не объединения, но совместной инвентаризации существующих реально школ, направлений и результатов. Причина была очевидна – возникло неустойчивое равновесие, ни одна из конкурирующих сторон не могла добиться решающего перевеса, и в рамках заочного противостояния получить этот перевес оказалось невозможно. Необходимо было «взвесить» реальные исследовательские силы и результаты, стоявшие за тем или иным «игроком», явным образом определить конкурентные позиции, чтобы понять перспективы размежевания, которое должно предшествовать объединению.

Кроме того, четких субъективных границ между конкурирующими направлениями и школами не существовало, если иметь в виду основных игроков (РАН – ВШЭ – РЭШ – СИГМА – крупные экономические вузы). На личностном уровне существовало множество пересечений и конфликтующих интересов, что объективно создавало гравитационные эффекты. Пренебрегать ими было невозможно. Невозможно было также пренебрегать эффектами синергии, которые явно угнетались искусственными границами и неизбежно возникали в ситуации конкуренции с позиции силы. Но, пожалуй, самым главным было то, что достигшее колоссаль-

ной степени за последние 20–25 лет «разубоживание» исследовательских кадров в экономической науке привело к явной и опасной для дальнейшего существования и развития российской экономической науки девальвации критериев научности, смешению понятий «научные исследования» и «экономический инжиниринг», «знание» и «убеждение», «эксперимент» и «описание», «теория» и «реферирование». Необходимо было если не договориться по этим пунктам, то по крайней мере явно показать различие между ними.

Вероятно, именно такие или похожие рассуждения явно или неявно лежали в основе согласованного на тот момент решения о проведении Первого конгресса, как и ранее принятое решение о совместном учреждении самой Новой экономической ассоциации, явившейся наиболее приемлемой платформой для его проведения. И Первый конгресс показал, что перечисленные выше проблемы и задачи действительно существуют и требуют согласованного решения.

Наиболее важным результатом Первого конгресса все-таки стало не объединение, а своеобразный мониторинг школ и направлений. Этот мониторинг выявил, пожалуй, два основных момента. Во-первых, он продемонстрировал чрезвычайную живучесть на российской почве нормативных исследований, особенностью которых является максимальная ориентация не на решение бизнес-задач, а на описание (в лучшем случае) кажущихся правильными или заимствованных в других экономиках решений практических задач или же (в большинстве случаев) на апологию принятых или лоббируемых властью решений. Во-вторых, на конгрессе было продемонстрировано, что основные научные школы в России не только не видят проблем в методологическом подражании глобальному мейнстриму (усложнение математических и в целом технических методов исследований при все более банальных интерпретациях результатов), но ориентированы на агрессивное распространение этой методологии без каких-либо серьезных попыток самостоятельного методологического и теоретического осмысления как наследия российской экономической мысли, так и особенностей национальной экономической системы.

Эти два момента описывали всю сложность реальной организации экономических исследований в России. По сути дела, выявился серьезный кризис российской экономической науки. Он заключался в том, что оба направления (и нормативное, и позитивное) были всего лишь в значительной степени отображением не вполне адекватной реалиям объекта исследования экономической мысли – нормативное отображало методологию и философию советских инженерно-экономических исследований и разработок, а позитивное отображало методологию и технику западного экономического мейнстрима.

В то же время Первый конгресс позволил оценить степень разнообразия экономических исследований в России. Она оказалась вполне сопоставимой с разнообразием глобальных экономических исследований, но при этом проявились и очевидные провалы, коренящиеся в многолетней традиции советских экономических исследований. В частности, явно проявился дефицит исследований в области финансовой экономики, очевидным стало и отставание в области методологии и техники пространственных экономических исследований, явно отставали исследования в области экономики знаний, инновационных систем, виртуальной экономики.

Второй конгресс должен был дать ответ на вопрос о скорости преобразований в области структуры исследований и зрелости методологической основы российской экономической школы. Конечно, три года – крайне малый срок для того, чтобы ощутить существенные перемены, однако это были годы осмысления уроков мирового кризиса, который остро поставил задачу преодоления кризиса экономической науки вообще. Собственно говоря, степень зрелости российской исследовательской школы должна была проявиться, прежде всего, в участии в усилиях по пределе-

нию этого кризиса. Не менее важным было оценить реальную динамику результатов именно в тех направлениях, отставание по которым выявилось на Первом конгрессе.

Второй Российский экономический конгресс в силу ряда обстоятельств (проведение в провинции, усилившееся пренебрежение лиц, принимающих решения, жесткость рецензирования заявок) оказался не столь многочисленным по числу участников, как первый, но все-таки весьма представительным, в его работе участвовало более 900 человек, притом, что количество первоначальных заявок превышало 1200. Конгресс был организован в рамках 19 конференций, каждая из которых состояла из тематических сессий и проблемных круглых столов. Как и на Первом конгрессе, отдельная конференция (20-я) объединила молодых ученых-экономистов. Проблематика Второго конгресса также оказалась весьма разнообразной. С некоторой условностью предметные области, по которым были представлены исследовательские результаты, можно классифицировать по 10 группам:

- вопросы общей методологии и теории (3 конференции);
- проблемы макро- и микроэкономики, отраслевых рынков (3 конференции);
- социальная проблематика (2 конференции);
- проблемы инновационной экономики (1 конференция);
- пространственная экономика (1 конференция);
- мировая экономика и международная интеграция (2 конференции);
- отраслевые экономики (2 конференции);
- математическая экономика (3 конференции);
- финансовые рынки и банки (1 конференция);
- междисциплинарные исследования в экономике (1 конференция).

При этом наиболее многочисленной по числу представленных докладов оказалась конференция по проблемам пространственной экономики, которую пришлось даже разбить на две подконференции. Именно на результатах, представленных на этой конференции, далее и будет сконцентрировано внимание. Однако прежде необходимо отметить чрезвычайно важный нюанс, который не остался незамеченным участниками конгресса, но пока не получил должной оценки как новое веяние в русле российской экономической мысли новейшего времени.

Речь идет о дискуссии, которая состоялась в рамках круглого стола «Новые подходы к методологии экономического анализа». В ходе этой дискуссии, которая была продолжена после окончания конгресса на страницах журнала Новой экономической ассоциации¹, был проведен обстоятельный разбор канонической методологии экономических исследований. Это был именно разбор, а не обзор, как это часто случается, когда отсутствие собственных позиций маскируется толкованием общепризнанных подходов. Последнее безопасно, так как освобождает от необходимости многотрудной работы по скрупулезному анализу сложных методологических конструкций и логических связей, и в то же время весьма солидно, так как демонстрирует глубину познаний автора такого обзора.

Дискуссия на упомянутом круглом столе по существу явилась продолжением ожесточенных споров, которые после 2008–2009 гг. разгорелись в рамках ведущих мировых научных школ в связи со скандальным провалом канонических теорий и основанных на них моделей, предсказывающих экономическое поведение и экономическую динамику. Но дискуссия на конгрессе имела важное отличие от этих споров.

Во-первых, было показано, что кризис канонической методологии, ядром которой является, как известно, предположение о том, что экономические системы адекватно описываются достаточно сложным математическим инструментарием и

¹ См.: Новые подходы к методологии экономического анализа: круглый стол // Журнал Новой экономической ассоциации. 2013. № 1. С. 159–189.

степень их инвариантности по отношению к «прочим» (не учтенным в моделях) факторам в общем случае не ниже, чем для физических и биологических систем, проявляется не только в случае классических макроэкономических систем, но также и в иных формах (пространственные экономические системы, институциональные платформы, социально-ориентированное поведение и пр.).

Во-вторых, было предложено общее направление преодоления методологического кризиса – формирование новой парадигмы исследования экономических систем, а именно общего социального анализа. Развитие этого направления общей методологии действительно обещает существенное улучшение качества понимания и предсказания экономического поведения.

Пространственная экономика далеко не случайно являлась одним из предметных «кирпичиков» в общей методологической дискуссии на конгрессе. Именно пространственная экономика позволяет представить, с одной стороны, всю сложность реальных общественных систем, локализованных в пределах определенных территорий, но при этом функционирующих как синхронизированное множество экономических агентов, социальных отношений, институциональных форм, а с другой стороны, дает возможность без существенной потери общности анализировать в деталях элементы пространственной системы (экономические регионы). При этом неоднократно отмеченная в литературе¹ неопределенность с формулированием предметной области и внутренней структуры объекта исследований в случае пространственной экономики чрезвычайно затрудняет как системный анализ вообще, так и использование региональных эмпирических исследований и статистических тестов для апробирования элементов общего социального анализа.

Как показала предварительная экспертиза поданных для участия в конференции по пространственной экономике на конгрессе заявок, а также сами дискуссии, состоящие исследований в этой области действительно не позволяет использовать их в качестве полигона для апробации новых методологических конструкций. Всего поступило в Программный комитет конгресса более 120 заявок для участия в сессиях конференции по проблемам пространственной экономики. Конечно, это значительно меньше реального количества исследователей, так или иначе работающих в этом направлении, но все-таки по географии (Москва, Санкт-Петербург, Хабаровск, Владивосток, Благовещенск, Новосибирск, Иркутск, Волгоград, Петрозаводск, Апатиты, Екатеринбург, Владимир, Рязань, Уфа, Одесса, Киев, Фукуока – Япония, Улан-Удэ) и по разнообразию тематики заявки достаточно полно представляли весь спектр разработок в области пространственной экономики.

Тематическое распределение докладов, представленных на конференциях по пространственной экономике, показало существенный сдвиг в предметной области. Основное изменение касается появления большого блока исследований по пространственной эконометрике, представленного 10 докладами. Это свидетельствует о проникновении в пространственные экономические исследования традиционной методологии математического моделирования процессов, описываемых обобщенными (и упрощенными) гипотезами. И непосредственной причиной, очевидно, является распространение в России идеологии новой экономической географии, а важной организационной основой – активное распространение этой идеологии в связи с созданием в Санкт-Петербургском филиале Высшей школы экономики лаборатории под руководством Ж.-Ф. Тисса.

¹ См., напр.: *Минакир П.А.* Пространственный анализ в экономике // Журнал Новой экономической ассоциации. 2013. № 1. С. 176–180; *Минакир П.А., Демьяненко А.Н.* Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Пространственная экономика. 2010. № 2. С. 6–32.

Появление формально строгих измерений должно расцениваться как важный позитивный сдвиг, хотя обратили на себя внимание два существенных обстоятельства. Во-первых, блок пространственной эконометрики оказался очевидно (и даже вызывающе) обособленным от качественных исследований экономики отдельных регионов и межрегиональных взаимодействий. Возможно, это следствие начального этапа этих исследований в России, но столь же возможно, что это результат проникновения и в пространственную экономику «математического империализма», что давно уже является объектом суровой критики в других сферах экономической теории и эмпирии. Во-вторых, география представленных на конгрессе исследований по пространственной эконометрике чрезвычайно бедна: Санкт-Петербург, Москва, Новосибирск, Иркутск. А организационная основа этих исследований еще уже: Высшая школа экономики, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, РЭШ. Естественным следствием из этих фактов является необходимость одновременного расширения пространственного поля этих разработок и поиск содержательной взаимосвязи эконометрического моделирования и качественного описания гипотез.

В определенной степени связующим звеном между эконометрическими и качественными исследованиями пространственных систем могли бы стать доклады, представленные на сессии «Моделирование пространственных экономических систем». Однако, как показал конгресс, это направление в отличие от бурно развивающегося направления пространственной эконометрики явно переживает идейный кризис. Обратило на себя внимание чрезвычайно сильное сужение географии этих исследований, практически на конгрессе были представлены лишь две школы, в которых эти исследования поддерживаются, — новосибирская и хабаровская. Вторым тревожным сигналом стало то, что представленные результаты касались преимущественно моделирования и численных экспериментов в области экономики отдельных регионов, хотя традиционно региональное экономическое моделирование акцентировалось на исследованиях и оценке межрегиональных взаимодействий. Конечно, использование математических моделей для системного описания и количественных измерений функционирования конкретных регионов, а также основных функциональных и структурных элементов региональных систем является позитивным трендом. Однако он не может компенсировать утерю потенциала моделирования и численных экспериментов с межрегиональными взаимодействиями. Возможно, правда, что реальной потери в этом смысле все-таки не произошло, а отсутствие соответствующих результатов на конгрессе явилось следствием объективной неполноты представленных исследований.

Остальные сессии в рамках конференции по проблемам пространственной экономики отличались чрезмерной пестротой, вполне отражающей вышеупомянутую неопределенность как с предметной областью пространственных исследований, так и с критериями отнесения проводимых разработок к различным классам (case-studies, инженерно-экономическое проектирование, статистический обзор, нормативный псевдоинституционализм, исследование локализованных отраслевых рынков и т. п.). Достаточно перечислить сессии, которые весьма условно объединяли все эти направления:

- программы и стратегии регионального развития;
- экономика регионов;
- межрегиональные пропорции и взаимодействия;
- пространственные внешнеэкономические взаимодействия;
- государственная политика регионального развития;
- формы и методы организации регионального развития;
- экономическая политика в развитии регионов;

- экономика городов;
- пространственные отраслевые системы;
- пространственные функциональные системы;
- социальное пространственное развитие.

Одно только перечисление этих направлений показывает, что достигнутый уровень разнообразия однозначно свидетельствует о настоятельной необходимости выработать единую методологическую платформу, которая бы позволила синтезировать все эти направления (системные исследования экономики региона, экономика городов и метрополий, локальные рынки, пространственная экономическая политика, внешние взаимодействия и интеграция, локализация экономических институтов, сопряженные системы и пр.) в рамках пространственного общего социального анализа, который может рассматриваться в качестве методологической базы пространственной экономики как научного направления. В то же время единая методологическая платформа вполне способна сдвинуть с мертвой точки решение проблемы формирования критериев разграничения исследовательских и инженерно-экономических разработок в регионах.

В целом Второй конгресс предоставил прекрасную возможность оценить полностью и качество научных экономических исследований в России, и одно из главных его достижений, пожалуй, заключается в том, что он продемонстрировал тесную интегрированность российской экономической науки с общемировым исследовательским трендом. Вторым, возможно еще более важным, результатом явилось понимание того, в каких направлениях российская экономическая наука находится на современных позициях, а в каких явно отстает. И, наконец, третьим принципиально важным результатом следует, очевидно, считать то, что экономическая наука в России не исчерпывается толкованием конъюнктуры бизнес-процессов и ситуации на финансовых рынках и тем более не исчерпывается апологетикой политически ангажированных проектов в области экономического регулирования. Возможно, именно поэтому официальные органы, ответственные за принятие экономических решений, столь дружно проигнорировали конгресс.

THE SECOND RUSSIAN ECONOMIC CONGRESS

P.A. Minakir

Minakir Pavel Aleksandrovich – Academician, Professor, Doctor of Economics, Director. Economic Research Institute FEB RAS, 153 Tikhoookanskaya Street, Khabarovsk, Russia, 680042. E-mail: minakir@ecrin.ru.